

Знание – Власть!

Концептуальное приложение. Срок актуальности информации – не ограничен.

РАЗВИТИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Михаил Хазин
Сергей Гавриленков

Цивилизация – очень красивое слово. Впрочем, большинство слов, произошедших от латыни, звучат красиво. Наверное, из-за этого их постоянно используют в науке и политической риторике.

Сочетание «цивилизованные страны» затрепали до дыр, выдавливая из него примеры успешного бизнеса, правильной политики, условий и обстоятельств жизни представителей «элиты». Когда эмоциональные оценки потихонечку стали замыливаться, подоспела новая тема, которую опять обозначили словом с латинским корнем, – «глобализация».

Предполагалось при этом, что вместе с ней наступит Золотой век и люди, наконец, станут жить счастливо и – по возможности – одинаково хорошо.

Сомнений нет: глобализация имеет место. Добрую улыбку вызывает сегодня восторг Жюль Верна перед прогрессом науки, который он выразил, послав своего героя в кругосветное путешествие всего за 80 дней. В конце XIX века могучая поступь технологической цивилизации Запада у многих вызывала эйфорию. Небезосновательно они предполагали, что скоро, очень скоро люди будут летать, преодолевать пространство, покорять глубины океана, вести диалог, не видя друг друга. Так все и получилось. Вот это – цивилизация! Правда, позднее, в XX веке, от достижений науки и техники полегли десятки миллионов цивилизованных и не очень граждан, но что мы о пустяках, главное – прогресс.

Цивилизация плохо поддается определению. Большинство мыслителей, так или иначе занявшихся этим ускользающим предметом, связывали ее черты с культурой. Это дает возможность показать, но не объяснить причины того, почему технологическая цивилизация европейского типа склонна к глобальности, а цивилизация индуистская (никто ведь не станет утверждать, что это – не цивилизация) особенно не стремится распространиться до пределов обитаемой Вселенной. Какая-то сила толкает одни страны выйти за пределы квадрата своих границ и описать круг распространения своего влияния, а другие – нет.

Говоря языком современного бизнеса, стремящиеся к экспансии своей цивилизации силы (которые вовсе не обязательно являются конкретными странами) формулируют глобальный проект, причем войти в него могут и территории, культура которых весьма далека от культуры исходных «авторов» проекта.

Повторим это определение более формально. Основным понятием, которое, по мнению авторов, является базовым для описания глобальных тенденций развития государств, их коалиций и цивилизаций является глобальный проект. По нашему мнению, **Глобальный проект (далее – просто Проект) – это наднациональная и надгосударственная идея, которая, в принципе, может стать базовой для определения системы ценностей любого человека на Земле.** При этом принципиальным моментом является добровольность выбора участия в том или ином Проекте для каждого конкретного человека. В базовые понятия любого Проекта обязательно должно входить условие, что его ценности до любого человека доходят добровольно, в силу их универсальности и привлекательности.

Еще раз повторим: слово «глобальный» здесь не следует понимать в привычных в последнее время терминах, связанных с модным понятием «глобализа-

ции». В нашем понимании этот термин означает – Глобальный Проект изначально предполагает, что его адресатом является любой человек, независимо от того, где и как он живет.

Если быть еще точнее, **Проект предлагает каждому человеку некоторую систему ценностей, которую он самостоятельно может принять (или не принять).** При этом сама концепция Проекта предполагает, что это решение должно приниматься без насилия. Собственно насилие, безусловно, проявляется, однако либо в рамках противоборства с другими Проектами, либо на поздних стадиях Проекта, когда закосневшие механизмы «продвижения» проектных ценностей просто не успевают за изменяющейся обстановкой.

При этом, разумеется, далеко не каждая идея, претендующая на «надгосударственность» и «глобальность» может стать базой Проекта. Собственно говоря, только история является тем инструментом, который отбирает из сотен и тысяч вариантов действительно глобальные.

Кроме идеи, являющейся базой Проекта, в него входит и набор социальных, государственных, культурных, исторических и других механизмов и традиций, которые возникают в процессе его функционирования. И именно взаимодействие этих механизмов в рамках конкуренции отдельных глобальных проектов и определяет основные направления мировой истории.

КРУГ

Цивилизация, стремящаяся сформулировать собственный глобальный проект, обязательно должна иметь в своем распоряжении Великую Надмирную Идею. Однако одного факта наличия подобной идеи недостаточно. Сейчас вряд ли сыщется человек, непоколебимо придерживающийся материалистических взглядов, но даже интуитивная приверженность каким-либо экзотическим верованиям в мировой разум или поток энергии уж точно не приведет к нему массы сторонников.

Это должна быть настоящая Идея, объясняющая мир видимый и невидимый, из которой непротиворечиво выводятся система поведения и этические правила. Более того, эта Идея должна быть исключительной, предназначенной для всех людей без исключения, во всех уголках земного шара и во все времена.

В современном маркетинге подобная позиция называется USP – unique selling proposition, что представляет собой призыв типа: «Покупайте у нас! Только у нас все самое лучшее!» К тому же в структуре Идеи должна содержаться непоколебимая уверенность в том, что, рано или поздно, но все люди действительно придут в лоно ее сторонников.

Однако одной идеи мало. Необходимо, чтобы она соединилась с повседневной практикой жизнедеятель-

ности, вобрала в себя обычаи, сформулировала набор правил и процедур, по которым должен существовать не только каждый отдельный человек, но и сообщество людей в целом – то есть выработать Норму. Норма – это буфер между Идеей как совокупностью неизменных догматов и повседневной жизнью. Норма принципиально важна с двух точек зрения: прежде всего, в Идее как совокупности исходных кодов – ничего изменить и подправить нельзя, а вот в Норме, вобравшей в себя суровую прозу жизни, – можно.

В христианской Идее ростовщичество презираемо, но в норме жизни христианских государств – терпимо, особенно в тех, где распространена так называемая «протестантская этика». Коммунизм предполагал мировую революцию, но затем этот тезис мало вспоминался в связи с его нереальностью, однако совсем его убрать коммунисты не могли – править основоположников, выдвинувших эту идею, было нельзя.

Норма – понятие неписаное, это такая сложная система смыслов, являющаяся предметом молчаливого согласия. Однако именно она становится основой для создания сводов правил и процедур, которые можно называть законами, кодексами, инструкциями, то есть разного рода формализацией Нормы. Все это – Практика, организующая ежедневно и ежечасно сложнейшие взаимодействия человеческого сообщества как внутри границ отдельных государств, так и вне их.

Невозможно удержаться, чтобы не привести пример: пресловутая монетизация льгот плоха не тем, что переводит их в материальную форму, и даже не оскорбительными размерами положенных взамен компенсаций. В русской Норме льгота есть выражение отношения государства к тем или иным социальным типам – ветеранам, инвалидам, детям и так далее, причем отношения уважительного. Именно поэтому люди зачастую даже не протестовали против того, что льготы не действовали. Многим был важен сам факт признания их причастности. Вряд ли столь прямолинейное вторжение в систему смыслов останется без последствий в плане доверия граждан своему государству.

Можно сказать, что **Глобальный Проект оформляется именно в Норме. Как разруха возникает в головах, так в головах создается и образ будущего.** Именно там зарождается и зреет могучий заряд энергии, заставляющий миллионы людей строить свою жизнь так, а не иначе. Но важно не допустить неясностей и тщательно продумать все позиции. Глобальный Проект должен в каждый момент времени каждому социальному слою давать ответ на вопросы: зачем жить и как жить.

КВАДРАТ

Любой Проект, даже потенциально претендующий на то, чтобы стать глобальным, начинается как сетевой. Образуются и умножаются ячейки сторонников Идеи, совершенствуются ритуалы, формулируются правила

поведения и взаимодействия. Пока что ячейки не связаны отношениями подчинения. Они договариваются по принципиальным вопросам, но действуют самостоятельно. Можно сказать, что пока их ведет сама Идея, Норма еще только складывается.

В этой стадии развития Проекта происходит по инициативе отдельных, не связанных друг с другом инициаторов и за счет активности неопитов. Никакого координационного центра в рамках сетевой стадии проекта не существует, он развивается спонтанно и по многим направлениям, что позволяет ему быстро адаптироваться к потребностям и запросам людей в рамках принимаемых ими системы ценностей конкретного Проекта.

В качестве примера сетевой формы Проекта можно привести христианство первых веков нашей эры, когда сотни и тысячи проповедников несли людям идеи этой, тогда еще новой религии, или современное состояние ислама, который, однако, представляет собой вторичное возрождение проекта.

Сетевым образом развивался в XIX веке Красный Проект, когда сотни и тысячи его сторонников несли в массы новую систему ценностей, противостоящую капиталистической. До сих пор в сетевой стадии находится Буддистский Проект.

Как только численность сторонников становится существенной, неизбежно формулируется политическая составляющая. Иначе нельзя: необходимо постулировать правила общежития, определить систему управления, назвать друзей и врагов.

Далее, для успешного развертывания, Глобальному Проекту нужно утвердиться в опорной стране. Она должна быть крупной, мощной в экономическом и военном отношении. Только сильная страна, являясь признанным лидером Проекта, может удержать прочие государства от беспрерывных конфликтов между собой и обеспечить присоединение к проекту все новых и новых участников.

В этом процессе принципиально важно привлечь на свою сторону элиту или часть элиты подобной страны. Она, в свою очередь, когда уговорами, а когда и насильем добьется поддержки народом нового проекта. Ни для кого не секрет, что принятие Русью именно Православия было результатом осознанного политического выбора тогдашних правителей.

Не следует недооценивать возможности инфильтрации коренного населения носителями Идеи с последующим присоединением населения к ней или его искоренением. Именно так была завоевана Америка, сначала конкистадорами, затем протестантами, причем мотивация их заключалась именно в распространении христианства, а точнее того, что они понимали как Христианскую Норму.

Ровно с того момента, когда в опорной стране утвердились новые нормы, и вся она достаточно окрепла, чтобы стать лидером, Глобальный Проект становится

иерархическим, управляемым из единого центра и откровенно экспансионистским. Государство вносит в практику Проекта присущие ему управленческие технологии и использует свою экономическую и военную мощь для его поддержки. Принципиально важно, однако, что экспансия Проекта на данном этапе происходит преимущественно мирно, ибо пример воплощенной Идеи действует надежнее, чем сабли и ружья.

В этой стадии Проекта образуется достаточно явная и хорошо взаимодействующая друг с другом проектная элита, которая и определяет направления его развития и, особенно, механизмы всегда конкурентного взаимодействия с другими Проектами.

В качестве примера можно привести Проект «Христианский», который перешел в иерархическую стадию после того, как соответствующая религия стала государственной в Византийской империи (отметим, что принятие христианства в качестве государственной религии в более мелких странах не повлияло на его сетевой характер). Другой пример: «Красный» (коммунистический) Проект (в дальнейшем названия Проектов идут без кавычек для упрощения изложения. – Ред.), который перешел в иерархическую стадию после Великой Октябрьской социалистической революции в ноябре (октябре по старому стилю) 1917 года. Однако, скажем, Католический Проект прошел сетевую стадию еще в рамках единого Христианского проекта, в связи с чем сразу стал иерархическим. При этом его проектная элита была рассредоточена по разным католическим государствам, и объединяла ее фигура Папы Римского (отметим, что деятельность государства Ватикан собственно к Католическому Глобальному Проекту особого отношения не имела).

Иногда иерархическая стадия Проекта идет непосредственно за сетевой (как, например, при первой реализации Исламского Проекта в VII веке нашей эры), а иногда существенно запаздывает (в частности, Буддистский Проект так практически и не перешел в иерархическую стадию, что, возможно, связано со спецификой его базовой системы ценностей).

Переход от сетевой к иерархической стадии не всегда происходит для проекта безболезненно. Часто в этот период отдельные элементы его сетевой структуры пытаются развиваться в самостоятельные (но родственные) проекты. Именно так от общей ветви Исламского Проекта откололась шиитская ветвь Проекта, именно так от общего Христианского Проекта откололся Католический Проект. При этом после образования Католического Проекта исходно Христианский Проект практически прекратил свое существование, поскольку к этому моменту практически вся активность христианского мира была сосредоточена в рамках Византийского и Католического Проектов.

Отметим, что как только проект переходит в иерархическую стадию, он начинает формировать централизованные структуры, которые должны поддерживать

миссионерскую деятельность проекта и (по возможности) регулировать/контролировать оставшуюся от сетевой стадии структуру.

Поскольку Глобальный Проект по определению предполагает расширение своей зоны влияния на все человечество, эти централизованные структуры также начинают играть роль штабов, которые используют для продвижения своих проектов экономические, культурные, политические и другие рычаги. Иными словами, каждый из Проектов создает свою конструкцию глобализации и продвигает ее как один из главных инструментов экспансии Проекта. При этом материальной базой любой такой глобализации является система разделения труда, которая автоматически связывает систему продвижения проекта с валютной, хозяйственной и торговой системой. В том случае, если идеология Проекта никак не связывается с хозяйственной деятельностью (например, у Буддистского Проекта), это существенно замедляет его переход в иерархическую стадию и дальнейшую экспансию.

В качестве примера нескольких альтернативных систем глобализации можно привести ситуацию 50-80-х годов XX века, когда их в мире было две, одна в рамках Западной системы разделения труда на базе американского доллара, и другая, соответственно на базе переводного рубля в рамках Совета экономической взаимопомощи. Одна из двух систем победила, но это означает, в частности, что бессмысленно даже пытаться повлиять на поведение и политику МВФ, Мирового Банка, НАТО и т.д. со стороны России. Почему? Контроль над этими институтами, представляющими, прежде всего, Западный глобальный проект, осуществляют его собственные элиты, к которой мы не имеем никакого отношения.

Развитие проекта в иерархической стадии может продолжаться достаточно долго (например, в том случае, если его элита разбита на много отдельных групп, как это было с Католическим проектом в средние века, когда все претензии Папы Римского или императоров Священной Римской империи на монопольный контроль над проектом завершились крахом). Однако со временем слабеет дух носителей Идеи, разрушается мораль, все чаще допускаются послабления в нормах и правилах, а, значит, как опорная страна, так и весь Проект в целом клонится к упадку. С этого момента опорная страна вынуждена вести себя как империя, или квазиимперия. Эта стадия отличается от иерархической еще большей концентрацией элиты, резким «окоствением» проектных механизмов и, главное, переходом управления проектом от достаточно плюралистических элит к жестко организованной имперской бюрократии.

В случае, если проект осуществляется в условиях жесткого противостояния с другими, такой переход может произойти очень быстро. Так, Красный Проект в иерархической стадии существовал всего несколько десятилетий – до середины 30-х, в крайнем случае – конца 40-х годов, после чего произошел переход к имперской стадии. Есть основания считать, что И.В.Ста-

лин в 1943 году умышленно начал сворачивать собственно Красный (коммунистический) Проект, осторожно переводя его в имперскую стадию и все более «национализируя».

Распад такого Проекта или его переход в «латентную» форму происходит по нескольким причинам:

Во-первых, бюрократия категорически не успевает за происходящими в мире социальными, экономическими, политическими процессами.

Во-вторых, имперское сознание явно предпочитает не доказывать что-то, а довольно активно и насильно вменить проектную систему ценностей, что резко уменьшает базу расширения Проекта и уменьшает приверженность проектной системе ценностей внутри собственно проектных стран. Российские читатели хорошо знают этот механизм на примере деятельности так называемых «демократов» горбачевско-ельцинского периода.

В-третьих, существенно уменьшается адаптивность проектных ценностей и идеологических установок, которые начинают проигрывать идеологическую войну конкурирующим проектам.

Признать проблемы правящие элиты не в состоянии – иначе они лишаются легитимации, принять решительные меры не могут – слишком сильно нужно менять правила игры. Для поддержания статуса-кво приходится все чаще и все масштабнее применять насилие как вовне, так и внутри.

Многие из нас, собственно, были, да, можно сказать, и сейчас еще являются свидетелями заката империи. Зрелище это малоприятное, но, скорее всего, неизбежное. Все земное рано или поздно умирает. Другое дело – Идея. Она может трансформироваться, обновиться, но только не исчезнуть совсем.

Очень важной частью, определяющей существование и развитие Проектов, является их взаимодействие, которое всегда жестко конкурентно. Проекты могут быть достаточно либеральны в пределах внутренних проектных рамок (общественных или даже государственных), но это никогда не относится к ценностям альтернативных проектов. Именно по этой причине ни в коем случае нельзя использовать терминологию конкретного Проекта для описания межпроектных взаимоотношений – идеология любого Проекта носит ярко выраженный монопольный характер, альтернативные проекты всегда в них окрашены крайне негативно. Это хорошо видно на примере идеологии современного Западного Проекта, который в исключительно негативных тонах описывает другие Проекты – и Красный, и Исламский, и даже Католический.

МАТРИЦА

Наблюдая текущие события, трудно удержаться от соблазна найти им простое объяснение. Легко сказать,

что мир несовершенен, поскольку не везде еще утвердилась демократия. Вот если и когда она утвердится, то дела наладятся, конфликты исчерпают себя, а люди, облегченно вздохнув, перейдут к свободному созидательному труду. Или вот еще: нужно ликвидировать эксплуатацию человека человеком.

Пробовали. И так, и так. Не получилось.

Дело все в том, что отдельные наблюдаемые явления или факты – лишь часть системы смыслов. В каждом Глобальном Проекте этот набор уникален и каждый смысл существует исключительно в связи с другими. При попытке изменения одного из элементов система либо подгонит его под себя, либо рухнет. Вот пример: вы не задумывались, что положение ЦК КПСС в советской системе, в сущности, было ближе к положению боярской думы на Руси, нежели чем к коммунистическому идеалу? То есть Норма традиционного русского проекта поглотила коммунизм, а не наоборот.

В этой связи интересно поразмышлять, как скажется на США – лидере Западного Проекта – введение системы органов безопасности, сильно смахивающей на советский КГБ. То, что из этого ничего хорошего для США не получится, ясно и сейчас. Другой вопрос: что возьмет верх – американская система смыслов или чужеродный элемент.

Есть, правда, еще одно обстоятельство. Вторая половина XX века прошла относительно спокойно, без неопишуемых потрясений, типичных для его первой половины. Причина этого, как не покажется странным, состоит в том, что действующих глобальных проектов в это время было три: Западный, Красный и (затаившийся) Исламский. Два проекта неминуемо сталкиваются, три – балансируют между собой. Если сейчас основная игра пошла между Западным и Исламским проектами, то не будет ли вынужден Китай сформулировать свой Глобальный Проект, хотя и не готов к этому?

После краха империи, как высшей и последней стадии Глобального Проекта, наступает хаос. Однако не следует воспринимать это слово в негативном значении. Хаос – закономерный и необходимый этап, в ходе которого происходит уточнение смыслов, анализ прошлого, накопление сил для будущего. Сможет проект сохранить приверженность Идее, модернизировать содержание того, что составляет Норму, тогда возможность его реконфигурации весьма высока. Если нет, то потомкам придется в учебниках истории читать про ту или иную цивилизацию, а при посещении музеев любоваться достижениями высочайшей культуры не существующих более народов.

Идеи, как правило, движутся с Запада на Восток. Хаос и обновление – с Востока на Запад. Когда Советский Союз был силен и могуч, Китай находился в упадке, нащупывая новый путь. Сейчас Китай на подъеме, Россия в хаосе, но и она отыщет свою дорогу, если обратится к смыслам, составляющим Норму Русской Цивилизации. Затем хаос двинется в Европу, затем в США,

потом снова придет в Китай, и так и будет вращаться колесо цивилизации.

Солнце ведь тоже движется с Востока на Запад.

Конкуренция Проектов, в том понимании, которое описано выше, может идти по трем основным направлениям, которые, по большому счету, являются независимыми и равноправными. И исторический опыт показывает: если по двум из них очевидная победа достается одному из Проектов, то любой перевес сил по третьему направлению уже практически никогда не играет роли. Эти три направления – экономика (производной которой является военная мощь), идеология и демография. К последней мы относим не только численность населения, но и его приверженность проектным ценностям, в частности, готовность отдать за них жизнь.

Так, сложности Западного Проекта в Ираке во многом связаны с тем, что подавляющее превосходство Западного Проекта в экономической сфере (и, тем самым, военной мощи) вполне компенсируется преимуществом ислама в идеологии (поскольку построенный на примате наживы Западный Проект явно уступает в глазах людей Исламскому Проекту, построенному на справедливости, пусть специфически понимаемой) и демографии, практически во всех аспектах последней.

А вот знаменитое противоборство «двух систем» в середине XX века было связано с тем, что ни у одной из них (вопреки идеологическим догматам каждой) не было явного преимущества: в экономике – у Западного Проекта, в идеологии – у Красного. По демографии, в общем, была ничья. И поражение Красного Проекта в конце века было вызвано тем, что в конце 50-х годов разложившееся руководство СССР отказалось от идеологической войны, перейдя к так называемому принципу «мирного сосуществования».

Для дальнейшего описания Глобальных Проектов мы попытаемся дать последовательность проектов, так, как мы ее себе представляем. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что в процессе дальнейших исследований и развития языка Глобальных Проектов этот список будет варьироваться и дополняться.

Первым в рамках писаной истории был Еврейский (ветхозаветный) Глобальный Проект. Как и полагается, «первый блин комом», поэтому этот Проект, особенно в части своих ритуальных механизмов, оказался крайне сложен, как следствие, количество неопитов во все времена было чрезвычайно ограниченным. Кроме того, один из важнейших его догматов, запрет на ростовщичество, был применим только по отношению к представителям своего собственного Проекта. Такая ситуация, как мы увидим, в дальнейшем оказала принципиальное влияние на весь ход мирового процесса.

При этом сама его система ценностей оказалась столь привлекательной, что появился Христианский проект, который после перехода в иерархическую стадию естественно назвать Византийским. Отметим, что

основное различие Христианского Проекта и Еврейского состоит не в догматике, а в сильно упрощенных ритуалах. Кроме того, запрет на ростовщичество у него является более универсальным – это привело к тому, что уже в средние века значительную роль в контроле над финансовой системой играли именно представители Еврейского Проекта.

Часть сетевой системы Христианского Проекта в рамках конкуренции с Византией (как государством) прекратила свое существование, но один «осколок», в Западной Европе, со временем развился в отдельный, Католический Проект. В отличие от Византийского, который очень быстро приобрел имперские рамки, Католический Проект, в силу политической разобщенности Западной Европы, очень долго развивался в пределах иерархической стадии. Не в последнюю очередь на расхождение Проектов повлияли также различия в культуре и ментальности народов, входивших в ареал распространения Византийского и Католического Проектов.

Отдельно и более подробно мы остановимся на ситуации последних 500 лет в Европе. В XVI веке, после катастрофического «золотого» кризиса, случившегося после резкого падения цены на золото, игравшего тогда (да и почти всю писаную историю) роль Единой меры стоимости, и последующего разрушения системы феодального натурального хозяйства, в Европе начал развиваться новый, Капиталистический Проект, идейной базой которого стала Реформация. В доктринальном плане этот Проект отошел от идейной базы библейской системы ценностей, отказавшись от одного из догматов – запрета на ростовщичество, поскольку экономической базой Капиталистического Проекта стал ссудный процент. Запрет, разумеется, не мог быть отменен в догматике (и в тезисах Мартина Лютера, например, он присутствует в полном объеме), но был снят в мифе о т.н. «протестантской этике». Отметим, что Капиталистический Проект принципиально изменил базовую цель в рамках проектной системы ценностей. Если в Христианском Проекте, во всех его формах, даже не принявших форму Глобального Проекта, основой является справедливость, то для Католического Проекта таковой является корысть, нажива.

Отметим, что этот пример показывает: библейская система догматов, являющаяся базой практически всех Глобальных Проектов на территории Европы, является не механической суммой запретов и ограничений, а существенно взаимозависимой системой норм и правил, причем эта зависимость проявляется через всю жизнедеятельность людей. Может быть, именно по этой причине эта система догматов и сохранилась в практически неизменном виде столько веков.

Именно с Капиталистическим Проектом, включающим такое понятие, как ссудный процент, связан один феномен человечества – так называемое технологическое общество. Ни одно государство или цивилизация, которое ссудный процент не одобряет (особенно исламское), не смогло создать на собственной базе техноло-

гическое общество (за одним исключением, о котором мы скажем ниже).

До сих пор мы говорили о Капиталистическом и Западном Проектах, но не объяснили, почему и чем они отличаются. По нашему мнению, сегодня Капиталистический Проект в чистом виде не существует, поскольку в XIX веке произошли серьезные изменения в его экономическом базисе, заметно преобразовавшие его базовые ценности. А именно: все большую силу приобретала идея, родившаяся где-то в конце XVIII века, – о том, как реализовать многовековую мечту алхимиков о создании золота в пробирке. Понятно, почему именно золото так хотели создать алхимики – именно золото было на тот момент Единой мерой стоимости (ЕМС) для всего человечества. А идея эта, из которой вырос финансовый капитализм, а затем и новый ГП – Западный, состояла в том, что, если золото создать нельзя, то, может быть, получится изменить ЕМС? На то, что можно создать в пробирке и контролировать потом эту пробирку, не допуская до нее никого постороннего.

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что сегодня ЕМС – это американский доллар, единственная «пробирка», где он рождается – это Федеральная резервная система (ФРС) США, частная контора, владельцами которой являются крупнейшие инвестиционные банки Уолл-стрит. А вся мировая финансовая система с такими ее институтами, как МВФ, Мировой банк и многие другие, своей главной задачей видит именно сохранение монополии ФРС на денежную эмиссию.

А изменение названия Проекта, с Капиталистического на Западный, связано не столько с тем, что проектная элита в большей части перебралась за океан, сколько с тем, что впервые в истории человечества в рамках этой новой экономической формации основные богатства стали создаваться не в материальной сфере, путем производства или за счет природной ренты, а путем безудержной мультипликации чисто финансовых активов. К чему привела такая модель? Сегодня доля финансовых ценностей, которые в XIX веке составляли менее половины всех активов человечества, составляет более 99%. Только объем финансовых фьючерсов, например, на нефть, превышает объем физической нефти (в ценовом выражении) в сотни и тысячи раз. И отсутствие запрета на ссудный процент существенно помогло становлению этого Проекта, который активно развивался в XIX–XX веках. Основными его стадиями стало создание первого частного госбанка (с монопольным правом денежной эмиссии) в Англии в середине XIX века, создание ФРС США в начале XX века, Бреттон-Вудские соглашения 1944 года, отмена привязки доллара к золоту в 1973 году и, наконец, распад Красного проекта в 1991 году.

Отметим, что такой способ создания активов «на кончике печатного станка» в условиях уже существующей технологической цивилизации позволил создать феномен «сверхпотребления», когда развитие системы

потребительского кредита позволило резко увеличить уровень жизни существенной части населения в границах Западного Проекта. В то же время это и существенно уменьшило стремление бороться за реализацию проектных ценностей, поскольку такая борьба неминуемо снижала жизненный уровень. В результате одно из трех основных направлений межпроектной борьбы, демографическое, оказалось для Западного Проекта потерянным навсегда.

Кроме того, такое изменение основного способа производства не могло не только серьезно изменить психологию проектной элиты, но и резко ее сузило: сегодня, фактически, основные решения в Западном Проекте принимает узкая группа лиц, состоящая от силы из нескольких десятков человек.

Отметим, что после поражения Красного Проекта в начале 90-х годов прошлого века такая узость элиты и отсутствие (правда, на очень ограниченное время) реальных врагов проектного масштаба привели к быстрому переходу Западного Проекта в имперскую стадию. Как и следовало ожидать, самые первые экономические сбои уже вызвали у этой «имперской» структуры проблемы. Сегодня уже отчетливо видно, что и руководство Евросоюза, в первую очередь в лице Германии и Франции, и руководство США (в лице Дж.Буша-мл.) всерьез рассматривают возможность выхода подотчетных им структур из Западного Проекта и создание наднациональной в первом случае и национальной во втором – империи. С возвращением «старых», даже не капиталистических, а католических ценностей.

Завершится ли хотя бы одна из этих попыток успехом, нам еще предстоит узнать, но одно очевидно – резкий рост террористических актов в последние годы существенно связан с этим кризисом Западного Проекта и является попыткой его расколовшихся элит сместить чашу весов в свою пользу.

За пределами Европы в VII веке возник еще один Проект на библейской системе ценностей – Исламский. Он активно развивался в рамках иерархической стадии почти 1000 лет, но переход к имперской стадии в рамках Османской империи практически привел к замораживанию собственного Исламского Глобального Проекта, переходу его в латентную фазу. И только в XX веке, попытки Западного и Красного проектов разыграть в своих интересах «исламскую карту» привели к возрождению Исламского проекта в новой редакции, имеющей пока сетевую стадию. Немаловажным фактором оживления Исламского Глобального Проекта стала также демографическая динамика, в результате которой население мусульманских стран стремительно выросло.

Основным качеством Исламского Проекта является его очень сильная идеологическая составляющая. Связано это с тем, что включенные непосредственно в догматику Корана нормы и правила общежития делают его активными проповедниками практически любого носителя Проекта. Это существенно отличает его от всех ос-

тальных Проектов, которым такая активность присуща только на самых ранних стадиях развития Проекта.

Отметим, что в Азии были и свои мировые Глобальные Проекты, например, Буддистский, которые еще не дошли до Европы, вернее, не завоевали больших масс сторонников. Актуальность этих проектов для нас сегодня проблематична, и именно по той причине мы не будем на них останавливаться. За одним исключением – Китай.

Китай сегодня стоит на распутье. Выберет ли он для себя путь развития, связанный с «поднятием» упавшего знамени Красного Проекта, то есть пойдет по интернациональному, проектному пути, либо же останется в рамках чисто национальной империи, которую в принципе не будут волновать мировые процессы, напрямую не затрагивающие чисто национальные интересы этнических китайцев и их вассалитет? Многие говорят о том, что коммунизм в его классической форме не является целью Поднебесной. В частности, коммунизм негативно относится к ростовщичеству, а Китай в полной мере адаптирует капиталистический инструментарий, в то время как коммунистическая атрибутика сохраняется только как демпфер преобразования систем.

Но вернемся к историческому обзору. В XVIII веке, практически одновременно с появлением идеи финансового капитализма, в работах социалистов-утопистов появились идеи, которые стали базой для развития Красного Проекта. С точки зрения библейской догматики этот Проект стал попыткой возврата запрета на ростовщичество (в форме обобществления средств производства), но идеология и технологические механизмы этого Проекта имеют одну важную особенность (по сравнению с предыдущими) – серьезный уклон в социальную сферу, мощное развитие социальных технологий.

Слабым местом Красного проекта является полное отсутствие мистической составляющей. Одно время, в контрасте с Капиталистическим и Западным Проектами, это было не так заметно, однако по мере заимствования Проектами, альтернативными Красному, упомянутых социальных технологий этот недостаток стал играть все большую роль.

Красный Проект, который в СССР развивался, если так можно выразиться, в достаточно резкой «коммунистической» форме, проиграл (в том числе и по причинам, указанным выше), но не исчез окончательно, а перешел в латентную форму. Резкое падение уровня жизни в базовых странах Западного Проекта после неизбежного и скорого глобального экономического кризиса неминуемо вызовет мощный ренессанс социалистических идей. Кроме того, скорее всего, в силу проблем с долларом в качестве Единой меры стоимости человечество (по крайней мере, на время), будет вынуждено всерьез рассмотреть возможность возвращения библейского догмата о запрете на ростовщичество.

Именно здесь самое время вспомнить о феномене «технологической цивилизации». Основная проблема

Исламского Проекта, который явно рвется к контролю над Европой и ищет базовую страну для перехода к иерархической стадии, – это полная невозможность отстроить на собственной базе современную технологическую структуру. Причем очевидно, что использовать опыт Капиталистического и Западного Проектов он не может – ссудный процент в исламе запрещен категорически. Но единственный случай в истории, когда технологическое общество было построено без использования ссудного процента – СССР, то есть базовая страна Красного Проекта. Потому не исключено, что проникновение ислама в Европу начнет принимать существенный социалистический оттенок, а это неминуемо будет коррелировать с подъемом аналогичных настроений в условиях острого экономического кризиса.

Возникает естественный вопрос, а что же с Россией? России не привыкать быть проектной страной. Собственно, ни в каком ином качестве она и не существовала. В силу своих размеров и возможностей она в состоянии сформулировать свои интересы, только если будет являть собой ядро Глобального Проекта. В сущности, все ее ипостаси – Киевская Русь и Российская империя (фактически продолжающие в другое время и в других условиях Византийский Глобальный Проект), СССР – были позиционными вариантами одного и того же сгустка цивилизационных смыслов. В противном случае участь ее незавидна – невозможно постулировать целесообразность проживания на столь обширной территории столь незначительного населения. Население, в свою очередь, не имея вразумительных целей своего существования, будет либо спиваться, либо присматриваться к реальным силам, предлагающим содержательные программы.

Пока что Россия заигрывает с Западом, повинувшись эмоциональному настрою своей элиты, выросшей в комплексе гипнотического восторга перед блеском Елисейских полей, Пикадилли и Манхэттена. Политический класс России, несмотря на то, что после падения коммунизма прошло достаточно времени, постарался не сделать окончательного выбора, застряв между советской крепостью и правовым государством. Так легче править, так остается свобода маневра, простор для манипуляции. А экономическая элита России так просто является частью Западного Глобального Проекта, и в этом смысле ожидать от нее какого-либо позитива достаточно наивно.

Но именно такая, в некотором смысле беспомощная ситуация может дать неожиданности.

В Западном проекте России – нет. Зато Россия есть в Исламском проекте. Как правило, в ответ на такое предположение раздаются скептические выкрики: никогда, мол, с чего бы и т.п. Ответ прост.

Россия в настоящее время – идейная пустыня. У нее нет своего мифа. Стояние со свечками на Рождество и присутствие православного духовенства на официальных мероприятиях ничего не добавляет и не изменяет. У ислама, правда, тоже нет своего мифа, и это его самое слабое место. Как мы уже отмечали, особенность мусульманской религии состоит в том, что в ее основополагающих книгах содержится не только догматика, но и правила и нормы (на равных правах с догматикой), в том числе властные. Однако, как свидетельствуют явные признаки, ислам вдумчиво работает над политическим измерением, над своим мифом. Россия никогда не жила в стремлении к наживе, столь естественном и приемлемом для Запада. Ислам – тоже. В России еще живы понятия справедливости, унаследованные, если угодно, от социализма, Красного Проекта. У традиционных исламских стран нет чутья и склонности к технологиям и военной игре. В России – есть. Демография такова, что в славянских семьях – один ребенок, в мусульманских – четыре. Как вы думаете, есть здесь поле для выстраивания Проекта?

Коммунистический Проект был сдан на милость победителя, но не умер. В конце концов, никто не доказал, что он менее эффективен, чем свободный рынок, которого нет уже и на Западе. Тех темпов экономического роста, которые в СССР обеспечил Красный Проект в 30-50-е годы XX века (даже с учетом страшной войны), ни Капиталистический, ни Западный Проекты обеспечить не смогли. И если «реинкарнация» Красного Проекта, скажем, в социалистической форме, приобретет мистическую составляющую, например, в виде политического исламского мифа, вполне возможен его рестарт.

Особенно актуальной эта ситуация станет в случае разрушения мировой системы разделения труда в связи с существенным падением доллара – ЕМС. Собственно, привести аналогии достаточно сложно. XVI век слишком далеко, а после него экономических кризисов сравнимого масштаба, с существенным изменением ЕМС, просто не было.

Статья была опубликована, в несколько измененном виде, в журнале «Русский предприниматель»,
10 (22) октябрь 2004